

Мо Чанкун тут же пожалел о своем дерзком поступке.

На банкете у Дуэ-синцзюня собралось множество гостей, и если ученик с Пика Уцзянь начнет драку, это опозорит его шизуна. Поскольку шизун подарил ему драгоценный плод, он решил сдерживать свой характер и не вступать в конфликт с ничтожествами, чтобы не допустить ошибок и не заставлять шизуна снова извиняться...

Мо Чанкун играл с Драконьим Кристаллическим Плодом, глядя на своего слегка пьяного и рассеянного шизуна. Его настроение неожиданно улучшилось, и он не мог заставить себя сразу съесть фрукт.

Даос Сюаньюань снова подошел с чашкой вина. Шизун, его многолетний друг по выпивке, радостно осушил чашу, после чего слегка пошатнулся, его лицо стало еще краснее. Отвечая на заботу друга, он упрямо сказал:

«Чанкун, не беспокойся, я еще не пьян!»

Даос Сюаньюань кивнул:

«Да, не пьян!»

Мо Чанкун, глядя на эту знакомую сцену, не смог удержаться от смеха и тихо начал считать:

«Один, два, три, четыре...»

Когда он дошел до пятидесяти, сянцзунь Юньчжэнь рухнул на стол и заснул. Шизун никогда не отличался стойкостью к алкоголю, но его поведение в пьяном состоянии всегда было достойным.

На банкете было много пьяных гостей, и Дуэ-синцзюнь подготовил для всех небольшие уютные дворики для отдыха. Мо Чанкун, подняв шизуна одной рукой, привычно закинул его на плечо и, не обращая внимания на шепотки вокруг, быстрыми шагами направился за сопровождающей служанкой. Он выбрал первый попавшийся дворик, уложил шизуна на кровать, снял с него меч и верхнюю одежду, заботливо укрыл одеялом. Шизун, наполовину оцепеневший, тихо прошептал, держась за его рукав:

«Чанкун, я хочу воды...»

В чайнике на столе был духовный чай для протрезвления, но шизун после вина не любил чай, предпочитая теплую воду. Хотя его можно было и не поить, шизун выглядел таким беспомощным и жалким в своем пьяном состоянии... Мо Чанкун всегда испытывал искушение жестоко пошутить над ним. В такие моменты он часто позволял себе маленькие шалости: тайком дергал его за ухо, щекотал ступни, говорил гадости... Однажды даже нарисовал

черепаху на его лице.

Когда шизун обнаружил черепаху, он пришел в ярость и попытался поймать своего нерадивого ученика, чтобы проучить его. Они трижды обежали Пик Уцзянь, сражаясь от вершины до подножия, что было очень забавно, хотя и немного недостаточно.

Мо Чанкун наклонился к лицу учителя, красному и привлекательному. Он тихонько ущипнул его за нос. Холодная рука соприкоснулась с горячей кожей, что вызвало у шизуна стон, похожий на жалобный писк обиженного зверька, и тот спрятался под одеяло.

Так весело...

Вдоволь наигравшись, Мо Чанкун решил принести воды. Банкет подходил к концу, было много дел, и служанки суетились, не успевая справляться с задачами. Мо Чанкун не любил общаться с незнакомцами и не хотел разводить костер в чужом дворе, поэтому пошел сам на кухню.

Кухня на вилле была далеко, на другом горном пике. Мо Чанкун некоторое время искал ее, и когда наконец нашел, на обратном пути он решил сократить путь через золотистый лес Фениксов. Там, у ручья, он наткнулся на дурачков из Би Хайлоу.

Пятеро юношей разного уровня мастерства, от Золотого Ядра до начальной стадии Построения Фундамента, видимо, были учениками самого Наньфэн-сяньцзюня. Они остановили его, вооружившись артефактами и магическим оружием, явно намереваясь устроить драку.

Мо Чанкун не смог сдержать улыбку.

Драка - дело серьезное, и для настоящих учеников необходимо иметь весомую причину. Юные ученики ломали голову, придумывая обвинения:

— Ты, негодяй, за столом вел себя непристойно! Слишком нагло!

— Ты что, не уважаешь нас, учеников Би Хайлоу?!

— Как могут демоны заниматься культивированием?!

— Мы все разузнали, ты бесчестный человек с длинным списком злодеяний! Унижаешь мужчин и притесняешь женщин! Ты не оставляешь в покое ни одной красивой сяньцзы!

— Что? Подождите, - Мо Чанкун, с явным интересом слушавший их долгое время, наконец почувствовал что-то неладное и прервал их, - Когда это я притеснял девушек? Нельзя говорить всякие глупости.

На Пике Уцзянь было правило: запрещено притеснять женщин. Если шизун узнает, он разозлится.

— Сяньцзы Циньюй и сяньцзы Ланхуань* так говорят, – самый младший ученик презрительно посмотрел на него, хотел обозвать уродом, но не нашел слов, и в итоге злобно добавил, – Пользуешься своей внешностью, чтобы играть на чувствах женщин.

(ПП: сяньцзы – небожительница, фея)

Мо Чанкун растерялся. За всю свою жизнь он знал лишь одну женщину – хозяйку таверны у подножия Пика Уцзянь, которой было за пятьдесят. Она была сварливой, но ее жареные бобы были очень вкусными, и шизун часто посылал его купить их к вину.

Иногда бессмертные женщины-культураторы пытались поговорить с ним, но говорили что-то непонятное, и не соглашались на драку. Ему это было неинтересно, и он не запоминал их имена.

Кто такие сяньцзы Циньюй и сяньцзы Ланхуань?

Мо Чанкун напряг все свои мысли, отчаянно размышляя.

Ученики Би Хайлоу, видя его хмурое лицо и молчание, подумали, что он признал поражение, и с радостью переглянулись, крича:

— Такой злодей, как ты, недостойн использовать Драконий Кристаллический Плод!

Они выстроились в боевую формацию, намереваясь преподать ему урок.

Мо Чанкун увидел их вызов, и его руки зачесались, но драка занимает время, а он держал в руках чайник, и боялся, что, если задержится, теплая вода остынет, и шизун откажется ее пить.

На этом пиру не стоит устраивать беспорядки...

Мо Чанкун окинул взглядом этих дурачков и запомнил их лица, чтобы потом рассчитаться. Затем он вынул из-за пазухи Драконий Кристаллический Плод, подкинул его на ладони и с холодной усмешкой спросил:

— Вам нужно это?

Драконий Кристаллический Плод был красного цвета, снаружи непримечательный, но внутри

скрывалась золотая жидкость, мерцающая на солнце.

Глаза юных учеников заблестели.

Мо Чанкун подбрасывал плод на ладони, пока все не разглядели его. Затем незаметно открыл пространство в своей руке, где спрятал плод, заменив его на сладкую ягоду Чжу. Сладкая ягода Чжу тоже была красной и внешне похожей, но не имела ценности, это было просто маленькое угощение, которое иногда давал ему шизун.

Он настолько отточил этот трюк, что иногда даже шизун попадался на него.

Мо Чанкун быстро поднял руку и бросил сладкую ягоду Чжу в бурный поток, а затем раскрыл ладонь и насмешливо сказал:

— Хотите, так идите и возьмите.

Сладкая ягода Чжу была унесена течением, и вот-вот должна была упасть в водопад. Ученики забыли про драку и кинулись в поток, чтобы выловить «драгоценное сокровище».

— Тьфу, какие глупцы, – Мо Чанкун посмотрел на представление, настроение у него улучшилось, и, держа чайник, он неспешно вернулся к шизуну.

Дурачки из Би Хайлоу не стоили его внимания.

Он должен тщательно обдумать, кто эти две сяньцзы, ведь в Небесном царстве многие на него косо смотрят. Недавно за его спиной говорили, что он вырывает сердца и ест человеческое мясо. Ладно бы только это, но еще и выдумали, что он похищает детей и практикует темные искусства. А теперь еще и играет с чувствами женщин? Что за чушь?

Это слишком позорно! Нельзя, чтобы шизун узнал!

Этот эпизод на празднике не стоил упоминания.

Проснувшись от вина, сяньцзюнь Юньчжэнь посмотрел в зеркало, убедился, что его ученик не натворил пакостей и не попал в беду, похвалил его несколько раз, и они вместе полетели обратно на Пик Уцзянь.

Три дня спустя сяньцзюнь Наньфэн с черным лицом привел мастеров и учеников с Би Хайлоу и поднялся на Пик Уцзянь, крича, чтобы сяньцзюнь Юньчжэнь выдал своего провинившегося ученика для сурового наказания в назидание другим!

Его голос был таким громким, что разносился по всей горе. Шизун услышал это и был ошеломлен. Мо Чанкун тоже почувствовал легкое беспокойство. После нескольких дней напряженных размышлений он наконец вспомнил, что полгода назад к нему тайно приходила маленькая сяньцзы в белом платье, пахнувшая ароматами, и, краснея, стеснительно что-то говорила...

Ее голос был тише комариного писка, она говорила витиевато, и кто знает, что она пыталась сказать. Это было ужасно раздражающе.

Он ответил:

«Катись!»

Сяньцзы, казалось, испугалась до смерти и убежала в слезах. Если это дело вскроется, разве это не будет означать, что он обижал девушек?

Размышляя над этим, Мо Чанкун поспешно последовал за шизуном в главный зал.

Главный зал Пика Уцзянь представлял собой простую комнату с вывеской. Черная черепица, белые стены, каменные плитки, несколько низких столиков и сидений из циновки. Перед залом находилась небольшая площадка, также покрытая камнем, усыпанная толстым слоем золотых листьев, которые никто не убирал. Слуги были демонами и злодеями, захваченными для искупления вины трудом. Недавно последний кроличий демон был освобожден по окончании срока, и нового для подходящего замены еще не нашли...

Те, кто пришли требовать справедливости, стояли у входа, полные гнева.

Мо Чанкун никогда не служил другим. Сяньцзюнь Юньчжэнь заметил его странное беспокойство и, почувствовав тревогу, поспешил лично приветствовать гостей, радушно предлагая:

«Двор в беспорядке, зайдем внутрь и поговорим. Попробуйте моего домашнего вина».

«Не суетитесь, - лицо сяньцзюня Наньфэна было темным как дно горшка, и он сердито фыркнул, указывая на Мо Чанкуна, - Сначала спросите своего ученика».

«Чанкун опять натворил дел? - с улыбкой спросил сяньцзюнь Юньчжэнь, - Он избил вашего ученика? Съел ваши священные плоды или зверей... Или, может, повредил что-то ценное?»

Чаще всего, когда приходили жаловаться, дело касалось именно этих трех вещей, плюс неуважение к старшим или позор для школы... Самый серьезный случай был, когда он довел до кровохарканья старого предка из Чихунбао, тот слег и чуть не умер. Тогда глава Чихунбао пришел с людьми и окружил гору...

Сяньцзюнь Юньчжэнь был уже опытен в таких делах:

«Я возмещу ущерб».

«Хорошо, - сяньцзюнь Наньфэн, взбешенный до предела, усмехнулся, - На празднике у Дуэ-синцзюня он убил моего личного ученика, так что возместите мне ученика».

Услышав это, Мо Чанкун был ошеломлен, он не помнил, чтобы делал что-то подобное.

Лицо сяньцзюня Юньчжэнь постепенно стало серьезным:

«Что вы имеете в виду?»

«У вас плохой глаз на учеников, ваших отбросов мне не нужно, - с презрением взглянув на Мо Чанкуна, сяньцзюнь Наньфэн насмешливо добавил, - Пусть он отдаст свою жизнь за моего ученика!»

«Вы говорите о своем ученике, который наливал вам вино за столом? — с улыбкой спросил сяньцзюнь Юньчжэнь, остановив его рукой. — Он только что поступил к вам в ученики и пока находился на стадии очищения ци?»

Наньфэн Сяньцзюнь с гневом ответил:

«Ему всего двенадцать лет! Он послушный, умный, выдающийся мальчик! Как этот мерзавец мог так поступить?!»

«Сяньцзюнь, соболезную, — решительно сказал сяньцзюнь Юньчжэнь, — Я понимаю вашу боль от утраты ученика, но это не дело рук Чанкуна! Это никак не связано с Пиком Уцзянь!»

Наньфэн Сяньцзюнь холодно усмехнулся:

«Не торопитесь отпираться, у меня есть свидетели!»

Из толпы вышли несколько юношей. Мо Чанкун холодно посмотрел на них. Это были те самые, кого он видел в лесу Феникса. Юноши с яростью обвинили Мо Чанкуна в том, что он злоупотреблял своей силой, притеснял слабых и оскорблял их школу. Они, защищая честь своей школы, вступили с ним в бой, в результате чего их младший ученик погиб, держа в руке обрывок одежды Мо Чанкуна, который они представили как доказательство.

В лесу Феникса было много колючих кустарников. Мо Чанкун спешил и зацепился за один из них, порвав край своей одежды, но это была повседневная старая одежда, на которую он не

обращал внимания. Кто бы мог подумать, что эти мерзавцы перевернут весь лес, чтобы найти этот клочок?

Сяньцзюнь Юньчжэнь посмотрел на окровавленный лоскут и холодно сказал:

«Чанкун никого не убивал. Сяньцзюнь, прошу, вернитесь к себе».

Наньфэн Сяньцзюнь ответил:

«У меня есть еще свидетели».

Он расследовал это дело на вилле Дуэ-синцзюня и нашел немало свидетелей. Кухарка утверждала, что видела, как Мо Чанкун набрал воды и пошел в лес Феникса. Несколько маленьких сяньцзы из Сяньсямэнь говорили, что видели, как Мо Чанкун спорил с учениками Би Хайлоу. Еще были культиваторы с острова Аньюнь, которые с уверенностью заявляли, что видели, как Мо Чанкун вытащил меч и убил младшего ученика.

Мо Чанкун вспыхнул от гнева:

«Чертовы лживые твари! Это эти бесстыжие ублюдки захотели завладеть моим Драконьим Кристаллическим Плодом!

Он мог бы и не объяснять, но стоило ему это сделать, как появился мотив. Ученики Би Хайлоу встали на колени и извинились, сказав, что их спровоцировали за столом, и они хотели проучить его, но это привело к трагедии. Участники пира подтвердили это.

Наньфэн Сяньцзюнь не унимался. Все они из знатных школ, и поединки и стычки между ними — дело обычное, старшие всегда разберутся. Но убийство на вилле Дуэ-синцзюня — это уже серьезный удар по лицу самого Дуэ-синцзюня.

Мо Чанкун был известен своей дерзостью. Толпа начала говорить разом, вспоминая старые грехи и обвиняя его в самых разных проступках, требуя от сяньцзюня Юньчжэня навести порядок.

Некоторые обвинения были правдой, другие — просто слухами. Три человека могут сделать тигра*, и правда смешалась с ложью. Мо Чанкун давно привык и не хотел оправдываться.

(ПП: идиома, три человека, распространяющие слухи о тигре, заставляют вас поверить, что он есть поблизости - повторная клевета заставляет других поверить)

Раз все считают его злодеем, он будет совершать самые худшие поступки!

«Раз вы смеете обвинять, я готов признать, — Мо Чанкун больше не сдерживал свой гнев, его глаза налились кровью, и он холодно улыбнулся. — Убить младшего — не большое дело, я хочу убить его отца!»

Наньфэн-сяньцзюнь, увидев, что он не раскаивается, вытащил свое оружие — Ледяной Кнут. Мо Чанкун без страха вызвал свой черный меч.

Вдруг сяньцзюнь Юньчжэнь вытащил старый меч, висевший у него на поясе, и бросил его в воздух. Пик Уцзянь всегда славился своими мечниками, и за долгие годы накопил тысячи сломанных мечей. Теперь все эти мечи взмыли в воздух, создав защитный массив.

Массив мечей накрыл Пик Уцзянь, прерывая битву. Затем сяньцзюнь Юньчжэнь поднял еще один сломанный меч и нежно провел по нему рукой. Все его доброе и мягкое выражение исчезло, уступив место боевому духу, заполнившему всю округу.

Лучший в мире мастер меча наконец-то обнажил свой клинок и показал свое мастерство.

Наньфэн-сяньцзюнь был потрясен и воскликнул:

«Лу Юньчжэнь, вы намерены игнорировать праведный путь и восстать против всего мира, защищая этого непокорного ученика?»

Сяньцзюнь Юньчжэнь, пренебрегая справедливостью, заточил их в массиве. Чтобы разрушить массив, необходимо было убить его хозяина среди тысяч мечей. Это требует огромной жертвы. Все колебались перед устрашающей силой меча. Стоит ли ради ученика, который только начал свое обучение, сражаться насмерть с самым могущественным мастером меча в мире?

«Путь мастера меча заключается в следовании зову сердца без сожалений, лучше умереть, чем быть опозоренным, - сяньцзюнь Юньчжэнь, с гневом произнося каждое слово, обратился ко всем, - Мой ученик - воплощенный дух меча, у него врожденное сердце меча, своенравный и гордый характер. Даже если он ошибся, он поступает открыто и честно, никогда не опускается до подлых уловок и не становится низким человеком!»

«Меч моего ученика, полный гордости и амбиций, никогда не рубит немощных и слабых. Неужели какой-то мелкий культиватор начального уровня достоин умереть от его меча?!»

«Чанкун этого не делал!»

«Он этого не делал только потому, что вы так говорите? Неужели мои ученики станут лгать? Вы хотите использовать свое влияние, чтобы заткнуть всех?! - Наньфэн-сяньцзюнь яростно возразил, - У меня есть свидетельства и доказательства, а что есть у вас?!»

«Верно, если это дело не будет полностью раскрыто, честь моего ученика будет невозможно

восстановить, и наш Пик Уцзянь не сможет существовать, - без колебаний ответил сяньцзюнь Юньчжэнь, - Я прошу сяньцзы Цзиньлин использовать зеркало, чтобы раскрыть истину!»

Эти слова вызвали всеобщее потрясение.

Сяньцзы Цзиньлин - это тысячелетняя черепаха-даос, использующая гадание как Путь. Зеркало - ее жизненный артефакт, способный видеть прошлое и будущее, но раскрытие судьбы противоречит небесным законам и может повредить ее собственному Пути. Поэтому она редко говорит, но когда говорит, ее слова подтверждены небом и землей, никто не может усомниться.

Попросить сяньцзы Цзиньлин использовать зеркало - это крайне сложная задача, даже если получить разрешение, придется заплатить огромную цену, великая секта потеряет свои силы, а для бедной маленькой секты, как Пик Уцзянь, это значит поставить на карту все и даже многие годы трат на возмещение.

Стоит ли это ради одного ученика?

Когда ученики Би Хайлоу услышали о приглашении сяньцзы Цзиньлин, их суровая аура, наконец, немного ослабла, а робкие немного задрожали и съежились. Наньфэн-сяньцзюнь почувствовал неладное и начал отступать.

Сяньцзюнь Кунпэн из Северного Моря попытался примирить их:

«Давайте сделаем шаг назад, не будем тревожить сяньцзы Цзиньлин...»

Сяньцзюнь Юньчжэнь отказался:

«Меч уже обнажен, наш Пик Уцзянь не отступит ни на шаг».

«Вы действительно хотите защитить это злое существо? - Наньфэн-сяньцзюнь стиснул зубы, - А что, если он действительно убил?»

«Если это дело рук моего ученика, то я, как его шизун, принимаю на себя всю ответственность. Клянусь небом и землей, если это сделано моим учеником, я сам поднимусь на алтарь казни богов и приму восемьдесят один удар кнута дракона, - сяньцзюнь Юньчжэнь не отступал ни на шаг, - А вы осмелитесь поклясться, если ваши ученики виновны?»

Восемьдесят один удар кнута дракона - это небесная молния, которая может убить культиватора.

Наньфэн-сяньцзюнь отступил на полшага:

«Мастера меча – все безумцы, ваш ученик безумен... и вы тоже...»

Сянцзюнь Юньчжэнь шагнул вперед:

«Осмелитесь поклясться?»

Наньфэн-сяньцзюнь с гневом ответил:

«Это абсурд! Ученик совершил ошибку, и вы доводите это до такого...»

Сянцзюнь Юньчжэнь с мечом в руках усмехнулся:

«Я – его шизун!»

<http://bllate.org/book/13607/1206717>